

The book cover features a textured, light brown background with a repeating circular pattern. Overlaid on this is a large, dark blue oval. Inside the oval is a light blue diamond shape. The author's name is printed in a small, black, serif font within the upper portion of the diamond.

А. Шевцов

СИЛА

Александр Александрович Шевцов

Сила

Серия «Философская антропология»

ериб предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38975299
Александр Шевцов Сила:
ISBN 978-5-9908243-9-3

Аннотация

Сила пронизывает все человеческое существование, как пронизывает она и все мироздание. Сила – это среда, в которой мы живем, и которая делает возможной саму нашу жизнь. Поэтому исходно сила должна бы рассматриваться третьей из основных субстанций мироздания наравне с материей и духом, но в доступном для человека виде она всегда – жизненная сила. И как мировая субстанция, и как жизненная сила, Сила – это среда существования, из которой мы строим себя и свой мир, и которой питаем себя и свои способности. Если вдуматься и взглядеться в вещество, то и оно есть лишь сила, заполняющая ту пустоту, в которой пребывают элементарные частицы. Мы привыкли судить о мире по проявлениям вещества, но его роль столь же мизерна, сколь и его объем в этом мире.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1. Определение силы	10
Глава 2. Сила и СИЛА	16
Глава 3. Человекобоги. Фрэзер	20
Глава 4. Вера в силу. Леви-Брюль	26
Глава 5. Русские колдуны	32
Глава 6. Наша наука о колдунах	39
Глава 7. Сила заговора. Астахова	46
Глава 8. Знание-сила. Христофорова	53
Глава 9. Силы и сила. Арнаутова	64
Глава 10. Вещество силы. Онианс	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Шевцов

Сила

Серия Философская антропология

Литература предназначена к прочтению лицам, старше 12 лет.

© Шевцов А. А.

© Издательство «Роща».

* * *

В этой книге А. Шевцов исследует понятие «сила» с привычной для него тщательностью и проработкой первоисточников.

Автор рассматривает это понятие и сквозь былины, и сквозь древний эпос, и сквозь Веды, сквозь философов и словари русского языка, а так же от обратного – разглядывает силу через «бессилие». И вдруг оказывается, что сила бывает разных видов, причем, это знал и видел наш народ. Ее можно рассмотреть, ею можно овладеть, ее можно собирать.

Книга будет интересна не только философам, которые похоже, упустили понятие «силы», и психологам, которые изучают поведение человека и его устремления, но и всем тем,

кто пришел к пониманию, что ему немножко не хватает силы для его жизненных задач.

Предисловие

Сила пронизывает все человеческое существование, как пронизывает она и все мироздание. Сила – это среда, в которой мы живем, и которая делает возможной саму нашу жизнь. Поэтому исходно сила должна бы рассматриваться третьей из основных субстанций мироздания наравне с материей и духом, но в доступном для человека виде она всегда – жизненная сила.

И как мировая субстанция, и как жизненная сила, Сила – это среда существования, из которой мы строим себя и свой мир, и которой питаем себя и свои способности. Если вдуматься и взглядеться в вещество, то и оно есть лишь сила, заполняющая ту пустоту, в которой пребывают элементарные частицы. Мы привыкли судить о мире по проявлениям вещества, но его роль столь же мизерна, сколь и его объем в этом мире.

Сила заполняет собою все, не давая веществу сжаться и не давая его частицам разлететься. Мы строим себя из силы, мы ходим по силе, мы питаемся силой, и мы – мастера во владении силой. Но она настолько привычна и всеобща, что мы совершенно не нуждаемся в подлинном знании этой части природы. Разве что физика рассматривает некие грани силы, когда ей нужно посчитать количество работы...

Наука сильно задолжала силе своего внимания. Народ на

бытовом уровне знал о ней гораздо больше, чем знает наука. И поскольку вся жизнь человеческая есть охота за силой и борьба сил, то обнаружить силу можно в любом произведении человеческого ума. Хотим мы того или нет, но все, что мы делаем, так или иначе строится из силы и являет силу. Наши жизни посвящены силе. А наши художественные произведения есть описания борьбы сил.

Предмет этот столь велик, что никакой надежды описать его полноценно я не питаю. И поэтому исходно ограничиваю свою задачу самым общим и начальным описанием наших представлений о силе, сохранившихся в языке и культуре.

В моем исследовании мною, помимо исторических и филологических источников, использовались материалы моих собственных этнографических сборов (1985–91 гг.) в среде потомков верхневолжских офеней – мазыков, живших на территории Ивановской и Владимирской областей. О многих из их понятий я подробно рассказывал в других книгах.

Часть первая

Сила. Первый взгляд

Начиная совершенно новое исследование, невольно хочешь опереться на кого-нибудь из уважаемых тобою предшественников. Насколько было бы легче, если бы я мог про силу сказать нечто вроде: когда-то Хайдеггер определил силу как..., а Мишель Фуко уточнил и внес неожиданный взгляд, который позволяет мне...

К сожалению, в отношении силы таких предшественников, похоже, нет ни среди зарубежных, ни среди отечественных мыслителей. Между тем, тема эта жизненно важна, а я оказался в ней не волею случая, а в силу логики моих предыдущих исследований, посвященных так называемому «тонкому составу» человека, как он оказался доступен по материалам русского языка и этнографии.

Я понимаю, что на сегодняшний день эта тема не является ни психологической, ни, тем более, философской, поскольку правящее научное мнение относит ее к физике. Однако мое мнение таково, что это заблуждение, которое очень скоро рассеется, а сила станет предметом философской антропологии, поскольку человек владеет силой, управляет ею и создал вокруг этого огромную и разветвленную культуру.

Конечно, я не смогу в этой первой книге, которая оста-

нется навсегда вводной и довольно поверхностной, показать философские возможности данного предмета. Самое большее, на что я рассчитываю, – это сделать самое общее описание предмета, как он виделся таким наукам, как этнография, культурология, филология и языкознание. Так сказать, создать самую начальную феноменологию явления.

Именно этому будет посвящена и Первая часть книги, и, по сути, эта же задача будет решаться в остальных частях, расширяя и углубляя первую часть. Описание явления, безусловно, не есть его полноценное исследование. Однако если мне просто удастся выложить необходимый для исследования материал так, чтобы им заинтересовались философы и практики, моя задача уже будет решена.

Мне думается, философская антропология силы не рождается именно потому, что нет удобных подборок текстов, которые бы позволили любознательным умам просто думать об этом предмете, а не выискивать, где он упоминается. Соответственно, если практики силы начнут использовать мою подборку описаний в их упражнениях, родится среда, которую смогут наблюдать теоретики. И это сдвинет науку о силе с мертвой точки.

Глава 1. Определение силы

Человечество слишком давно охотится за силой, чтобы не запутаться в обилии понятий. Сила – это так близко, жизненно и понятно, что мы не знаем, как о ней говорить. У нас, в сущности, нет языка для говорения о силе. Зато мы запросто ею можем управлять. И все же, как определяет силу русский язык?

Исходное бытовое понятие о силе примерно такое: это способность живых существ напряжением мышц производить телесные действия, то есть двигаться. Однако наряду с этим, телесным, определением существует и понятие о силе нравственной, силе духа, силе ума. Даже о «внутренней силе» человека, что делает очевидным, что телесная или мышечная сила ощущается силой внешней.

Очевидно, другим названием «внутренней силы» стало слово «энергия», заимствованное разговорным языком из физики. В некоторых случаях энергия воспринимается прямым переводом слова «сила»: сила – это энергия, воздействующая на тела, а также ее степень интенсивности, напряженности. Некоторые современные словари, вроде «Википедии», вообще не знают другого понятия о силе, кроме физического, и, соответственно, насаждают именно его.

Однако сила существовала задолго до появления не только физиков, но даже и первых натурфилософов. Физики об

этом как-то не задумываются, а вот физиологам приходится, поскольку силу человека одной физикой не объяснить. Поэтому физиологи вынуждены создавать свои способы говорить о силе. Приблизительно такие:

Сила – это способность человека преодолевать внешнее сопротивление или противостоять ему за счет мышечных усилий (напряжений).

В сущности, такое определение приближается к философскому, где сила со времен Аристотеля рассматривалась как способность производить воздействие. Считается, что Аристотель использовал два слова для обозначения силы – энергия и динамис, которая, пройдя через несколько языков, была переведена на русский как «мощность». Энергия Аристотелем понимается, скорее, как активное, деятельное начало.

Впрочем, Аристотель использовал еще понятие «энтелехия», означавшее некую «внутреннюю силу», потенциально несущую в себе цель действия и даже его итог, как растение уже имеется в семени. Первой энтелехией человека является его душа, в которой заключено знание о том, каким должен стать человек, если раскроет себя, станет собой. Без души тело бессильно, хотя и обладает жизнью.

Поэтому, когда мы рассматриваем физиологические понятия о силе, как о способности преодолевать внешнее сопротивление, объяснение, что это делается за счет мышечных усилий, становится сомнительным. Зато совсем иначе начинают звучать физиологические пояснения, объясняю-

щие проявления силы в человеке, вроде:

- сократительные свойства мышц, зависящие от соотношения белых (быстрых) и красных (медленных) мышечных волокон: активность ферментов; анаэробное энергообеспечение мышц, качество межмышечной координации;
- или центрально-нервные факторы, вроде интенсивности или частоты эффекторных импульсов и трофическое влияние центральной нервной системы;
- и вся прочая биохимия и биомеханика.

Так высвечивается значение личностно-психических, то есть мотивационных и волевых компонентов, а также эмоциональных процессов.

Излагаю эти предметы языком, на котором и предпочитают о них говорить физиологи. Но если вдуматься, исходя из оснований, заложенных Аристотелем, то очевидно, что мы имеем два понятия о силе в отношении тела: одно связано с «сократительными свойствами мышц», что значит, со способностью напрягаться. А другое исходит из понятия о жизненной силе человека и через нее связывает всю силу человека с душой.

Верно ли при этом понятие души, как энтелехии, то есть некоего органа, отслеживающего воплощение исходного замысла по творению человека, вопрос особый. Но то, что мы развиваемся так, как наши души хотят и принимают, бесспорно. И это точно означает, что в задуманном душой определено есть сила. Вот только, что это за сила и как до нее

добраться, совершенно не ясно.

Впрочем, некоторая растерянность перед задачей дать силе определение явно проступает в наших толковых словарях. Так, Даль дает такое определение:

Сила – источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движенья, стремленья, понужденья, всякой вещественной перемены в пространстве, или: начало изменяемости мировых явлений... Сила есть отвлеченное понятие общего свойства вещества, тел, ничего не объясняющее, а собирающее только все явления под одно общее понятие и название.

Определить силу, как источник действия, можно лишь в качестве литературного иносказания, как и начало действия. Назвать ее причиной действия можно, но это не есть собственно определение силы. Поэтому остается признать силу «отвлеченным понятием» и так расписаться в собственном бессилии.

Словарь Ушакова в качестве исходного дает следующее определение:

1. Способность живых существ производить физические действия, энергия, порождаемая способностью управлять движениями мышц.

Сила есть способность. Как же тогда быть со способностью управлять силой, которая у нас, несомненно, имеется? Способность управлять способностью?

Чтобы устранить эту невнятность, Ушаков дополняет язы-

ковое определение научным:

2. Напряжение, энергия как причина, выводящая тело, материю из состояния покоя или изменяющая направление, скорость движения (науч.).

Тем не менее, определение остается на уровне: сила – это нечто, что выводит тела из состояния покоя, придавая им движение, и проявляется в человеке в виде способности производить действия.

И как это ни странно, это лучшее из всех возможных определений, имеющихсся в толковых словарях. Либо сила – это Нечто. Либо она – человеческая способность. Почему мы в такой растерянности перед этим понятием?

В действительности, мы не можем определить очень многие из исходных понятий. К примеру, не проще определить стихию, пространство, время, вещество. Мы живем в них, и это главное, что надо учитывать. Наша способность определять то, что дано нам в ощущениях, весьма ограничена. По сути, наши отношения с силой сводятся к тому, что мы ощущаем ее в себе и говорим: «Вот, это!» И чтобы не спутывать с чем-то другим, что точно так же приходит через ощущения, закрепляем за этим «это» какой-то набор звуков, вроде мычания: «М-м-м, сила».

Это почти уровень звукоподражания. Как имя какой-нибудь птицы, вроде коростеля, которого еще зовут дергачом,

поскольку он издает звук: «Д-е-р-р-г! Д-е-р-р-г!» – далеко раздающийся над лугами. Сила – это, конечно, не звукоподражание, поскольку она не издает звука, но это некое ощущение, которое можно легко отличать от других ощущений. И за ним закрепляется настолько древнее звукосочетание, что мы даже не можем понять, из нашего ли оно языка, или же это язык первобытности, когда так же давались имена Земле, Небу, Солнцу...

Сила – это нечто, что ты чувствуешь в себе и узнаешь в других, когда они начинают действовать.

Глава 2. Сила и СИЛА

То, как рассказывают о силе словари и физика, как-то на удивление приземленно. Что называется, крокодилы, конечно, летают, но низенько-низенько и недалечко! А когда-то Сила была тем, что правило этим миром и его одухотворяло. Сила была Верховным божеством мира людей долгие тысячелетия, являясь сутью первобытной магии и крыльями, позволяющими каждому упорному искателю путешествовать по множественным мирам.

Затем в Мир пришли Боги, и сила сначала стушеввалась, а затем оказалась служанкой Богов и даже просто их атрибутом. Как если бы издалека-долго текла великая река и катила свои могучие волны, но когда добралась до устья, разбилась на множество потоков, и каждый стал одним из богов. Силы у каждого бога меньше, чем у Реки, зато она управляема. Насколько могут быть управляемы силы богов!

Как бы там ни было, но начинать изучение Силы нужно с тех представлений, которые правили первобытным человечеством во времена, которые помнят только мифы и сказки. Я воспользуюсь для начала теми крохами, что Владимир Пропп разглядел в сказках про Бабу-ягу, а в действительности, в памяти о молодежных инициациях.

Исходное состояние дел рисуется следующим:

«Задачи яги. Широко распространено мнение, что яга –

персонаж, для которого типично задавание трудных задач. Это верно только для женских сказок. Да и то можно показать, что эти задачи в основном – позднего происхождения. Мужчине задачи задаются гораздо реже, вообще редко, и они весьма немногочисленны...

Обычно награждение следует сразу после диалога, «... Едва ли достанешь! Разве я помогу» – и дает ему своего коня» (Аф.174). «Накормила его, напоила и дала Кобылицу-Золотницу» (Сев.46). Таких случаев можно привести очень много, это – типичная форма. Спрашивается: за что же яга награждает героя?

Внешне, художественно, это награждение не мотивировано. Но в свете материалов, приведенных выше, мы можем сказать, что герой уже выдержал ряд испытаний. Он знал магию открытия дверей. Он знал заклинание, повернувшее и открывшее избушку, знал магию жестов: окропил дверь водой. Он принес умилоостивительную жертву зверям, охранявшим вход. И, наконец, самое важное: он не испугался пищи яги, он сам потребовал ее, и этим навсегда приобщил себя к сонму потусторонних существ» (Пропп, Исторические корни, с.79).

Иными словами, для первобытного общества было общепонятно, что человек, достигший определенного возраста, должен выдержать испытания и доказать свое право считаться полноценным членом общества, завести семью и продолжить род. Но испытания эти коренным образом отличаются

от тех, что проходим мы в нашем мире. Происходящее у Бабы-яги, конечно, в каком-то смысле тоже экзамены, но проверка идет вовсе не на то, как ты можешь запоминать необходимые для жизни вещи и соображать.

«За испытанием следуют расспросы, за расспросами награда. Этим же объясняется уверенность, с которой герой себя держит. В том, что он видит, не только нет ничего неожиданного, наоборот – все как будто давно известно герою, и есть то самое, что он ожидал» (т. ж.).

Если задумаемся, это точное описание экзаменов в современном университете: расспросы, все давно известно – и есть то самое, к чему ты готовился... Вот только готовился ты совсем не к тому, к чему готовился человек древности:

«Он уверен в себе в силу своей магической вооруженности. Сама же эта вооруженность действительно ничем не мотивирована. Только изредка мы встречаем такие персонажи, как тетушку, наставляющую девушку, как держать себя у яги. Герой все это знает, потому что он герой. Геройство его и состоит в его магическом знании, в его силе» (т. ж.).

Какое удивительное наблюдение: если у тебя есть сила, вернее, СИЛА, ты ЗНАЕШЬ!

Когда в начале семнадцатого века творился миф о Науке, Бэкон лишь использовал древнее убеждение, что Знание и Сила связаны друг с другом: знание – сила! Вот только мир к этому времени уже обернулся наничь, то есть стал обрат-

ным, и последние три века мы ищем не Силу, чтобы обрести Знания, а охотимся за знаниями, чтобы собрать силу.

Основы искусства Ведогони, которое бытовало у верхневолжских мазыков, то есть охоты за веданием, знанием, коренятся именно в Силе, которую надо обрести, чтобы стало возможным прямое столкновение со Знанием, поскольку действительное Знание, как любое божество, отнюдь не безопасно. И не всякий человек может это столкновение выдержать! Поэтому древние готовились к встрече со Знанием, учась добывать и управлять Силой.

«Вся эта система испытаний отражает древнейшие представления о том, что подобно тому, как магически можно вызвать дождь или заставить зверя идти на ловца, можно вынудить вход в иной мир. Дело вовсе не в «добродетели» и «чистоте», а в силе» (т. ж.).

Конечно, сказка знает и испытания добродетели или нравственной чистоты героев. Но все же исходно даже эти испытания выдерживает тот, кому дана Сила. Обладающий Силой, ЗНАЕТ, что правильно, а что неправильно, как сильный поток находит путь между скал, нащупывая его своим порывом. Сила – это то, что влечет и ведет по жизни, так что человек успевает за движениями Судьбы, попадая в нужные места в правильное время. Сила столь же божественна, сколь и предшествует богам, почему она способна менять даже Судьбу, которой послушны и боги.

Глава 3. Человекобоги. Фрэзер

В 1890 году вышло первое издание знаменитейшей книги английского этнолога Джеймса Джорджа Фрэзера (1854–1941). Судьба этой работы была на удивление удачной. Хотя многие и относились к ней скептически, тем не менее, она признается классикой и не утратила своего значения до сих пор. В определенном смысле, к Фрэзеру в мире относились примерно так же, как к Афанасьеву в России.

Думаю, он был одним из первых, если и не самым первым, кто попытался осмыслить, что такое сила, с точки зрения этнографии. Сделал он это в пятой главе однотомного издания «Золотой ветви», называвшейся «Магический контроль над погодой», которая следовала за главами, посвященными симпатической магии и отношению магии к религии.

Исследование начинается с заманчивого:

«Читатель, вероятно, помнит, что в лабиринт магии нас привело рассмотрение двух типов человекобога...

Из предшествующего следует, что можно различать два типа человекобога: религиозный и магический. В первом случае предполагается, что существо высшего порядка вселяется в человека на более или менее продолжительный срок и проявляет свою сверхъестественную мощь и мудрость путем совершения чудес и изречения пророчеств.

К данному типу человекобога подходит название вдохно-

венного и воплощенного: человеческое тело здесь всего лишь хрупкий скудельный сосуд, наполненный бессмертным божественным духом.

Во втором случае человекобог-маг есть не более как человек, но человек, обладающий необычайной силой. На обладание подобной силой в меньшем объеме претендует большинство его соплеменников. Ведь в примитивном обществе едва ли найдется хоть один человек, который на досуге не занимался бы магией» (Фрэзер, с.64).

Это утверждение Фрэзера на долгие годы стало общим местом всей мировой этнологии, да и сейчас считается верным. Поэтому его есть смысл рассмотреть с предельным тщанием и понять.

С очевидностью бросаются в глаза несколько вещей. Во-первых, несомненно, что даже если речь идет о действительном вдохновении, то есть вселении в человеческое тело бога или духа большой силы, в отношении силы это не имеет значения. Человек в любом случае не располагает собственным источником силы, она поступает в его тело извне – напрямую либо через вселившегося духа. Поэтому, с точки зрения изучения силы как таковой, совершенно неважно, на каком примере мы будем ее изучать.

Во-вторых, столь же очевидно, что если человекобог-маг обладает выдающейся силой, все же это самая обычная сила, доступная всем нам, раз уж любой из его соплеменников так или иначе приобщен к магии. А это действительно так,

потому что любая бабушка в русской деревне чуточку колдует, скажем, сбрызгивая с уголька или перекрещивая двери курятника, чтобы туда не забралась лиса. И даже каждая девушка колдует, когда пытается нагадать себе хорошего жениха.

Магия или, по-русски, колдовство и чародейство распространены в обществах древнего типа столь широко, что являются всеобщим достоянием, и каждый старается запомнить хотя бы несколько приемов. Ну, как сплевывать через плечо или как выматериться, если почувствовал, что начал плутать в знакомом лесу, что без лешего не случается.

И третье: Фрэзер с очевидностью приравнивает силу к магии. Точнее: занятие магией означает использование силы и требует определенного искусства в использовании силы. Что значит, что где бы Фрэзер ни говорил о магии, он говорит об использовании силы. Соответственно, так это видит и подавляющее большинство этнографов и этнологов.

Откуда же люди берут свою силу?

«В то время как человекобоги первого, боговдохновенного типа черпают свою божественность от божества, которое снизошло до того, чтобы скрыть свое небесное сияние под унылым обликом земного праха, человекобог второго типа черпает свою необычайную силу из некой физической общности с природой.

Он не является простым вместилищем божественного духа. Все существо его – и тело, и душа – столь тонко на-

строены на гармонию с природой, что прикосновение его руки или поворот головы заставляют вибрировать всю материальную структуру мира. И, обратно, его божественный организм проявляет чувствительность к таким незначительным изменениям обстановки, которые совершенно никак не отразились бы на простом смертном» (т. ж.).

Получается, что силой, то есть Силой, обладают все, что значит, каждый из нас. При этом рассчитывать, что именно в меня вселится некое божество, не приходится. К тому же, это и не кажется мне столь уж желанным. Хотелось бы прожить собственную жизнь. Но при этом овладеть Силой.

И что же для этого нужно? Обладать некой тонкой настройкой, в сущности, гармонией с природой, чтобы чувствовать ее воздействия и мочь оказывать обратное влияние. Это означает, что для обретения Силы надо усилить собственную чувствительность. Так ли это, я пока уверенно утверждать не могу. Но то, что на деле, кто лучше видит, тот и сильней, верно.

Эти утверждения заставляют Фрэзера рассматривать первобытных колдунов в качестве своего рода натур-философов, которые вынуждены изучать природу, чтобы выжить, потому что от успешности их действий зависит выживание общества, да и их собственное. Соответственно, эти люди оказываются для Фрэзера шарлатанами и ловкими обманщиками, которые, тем не менее, заложили основы современной науки.

Поэтому, когда Фрэзер приводит этнографические примеры, он не исследует Силу, а исследует общественные отношения:

«Власть меланезийских вождей, по рассказам местных жителей, полностью покоится на вере в то, что они имеют общение с могучими духами и обладают сверхъестественной силой, с помощью которой могут оказывать влияние на духов» (т. ж., с. 86).

Сам Фрэзер не обладает силой, и потому не верит в ее существование. Поэтому и возникает постоянно повторяющийся разговор о вере.

«Веру в то, что властители обладают магическими или сверхъестественными способностями, с помощью которых они могут оплодотворять землю и одаривать своих подданных благодеяниями, разделяли предки арийских народов, расселившихся от Индии до Ирландии» (т. ж., с. 91).

Все рассуждения о тонкой настройке на природу оказались забыты перед лицом веры в то, что ничего, сверх того, чем обладал сам автор, нет. И даже им же самим высказанная мысль, что эта сверхъестественная Сила есть на деле обычная сила, которой обладает каждый, лишь проявляющаяся в большей мере за счет той самой настройки, стушевуется перед лицом его убеждений.

Тем не менее, есть еще одна черта, которую Фрэзер подмечает в отношении силы: она оказывает воздействие на людей через прикосновение. Это может быть прикосновение

руки либо прикосновение к предмету, который соприкасался с другим человеком. Более того, Сила по народным представлениям может быть вложена в предмет, и он становится либо оберегом, либо носителем порчи.

Вот самое общее представление этнологов о том, что есть Сила.

Глава 4. Вера в силу. Леви-Брюль

В 1922 году Люсьен Леви-Брюль издал в Париже очередную книгу на тему первобытного мышления – «Первобытный менталитет». Он, как и Фрэзер, был сторонником естественнонаучного объяснения народных представлений, поэтому книга его доказывает, что все проявления силы в значении магии или колдовства есть лишь последствия веры примитивных людей.

Эта исходная установка местами вступает в противоречия с приводимыми Леви-Брюлем выдержками из трудов этнологов, но эти противоречия остались не осознанными современной наукой. Поэтому взгляды профессора Сорбонны остаются и по сей день основополагающими для этнологов. Тем более заслуживают они внимания и исследования.

Леви-Брюль посвящает силе вторую главу книги – «Мистические и невидимые силы». Но прежде, чем рассказать, как он описывал народные представления о силе, стоит выявить еще одно противоречие во взглядах этнологов, которое они почему-то упорно не хотят замечать. Во «Введении» в книгу Леви-Брюль пишет, как бы давая общую характеристику тем простым людям, которых изучает этнология:

«И здесь миссионеры констатируют, что туземцы „верят только тому, что видят“. Среди взрывов смеха и возгласов одобрения собравшихся раздается вопрос: „Можно ли

увидеть своими глазами бога белых людей?.. Если Моримо (бог) совершенно невидим, то как может человек в здравом уме поклоняться чему-то скрытому?“

Точно так же обстоит дело и у басуто. „Что касается меня, то я хочу сначала подняться на небо и посмотреть, есть там на самом деле бог, – гордо заявляет некий жалкий басуто. – И если я бы его увидел, то поверил бы в него“» (Леви-Брюль, с.13).

Далее Леви-Брюль приводит множество примеров из работ разных этнологов и собирателей о том, насколько «примитивна» мысль первобытных народов, и насколько она – «конкретна», что соответствует выражению камчадала, о котором рассказывала моя мама. Он постоянно что-то пел, глядя перед собой. А когда его спрашивали: «Миша, что ты поешь?» – он отвечал классической фразой: «Что вижу, то и пою!»

Первобытные видят то, что для цивилизованных людей является предметом веры, и верят они лишь в то, что действительно видят. Но когда заходит речь о силе, этнологи об этом забывают... И принимают навязывать другим обществам свой европейский подход к действительности. Звучит это убедительно, если забыть о том, что было сказано выше, но выглядит как-то неожиданно:

«После изложенного в предыдущей главе нам, видимо, будет легче понять, почему первобытный менталитет безразличен к поискам того, что мы называем причинами яв-

лений. Это отсутствие любознательности не вытекает ни из умственного оцепенения, ни из слабости ума.

Говоря по существу, это и не отсутствие любознательности: если воспользоваться схоластическим выражением, основание его – не просто отрицательного характера, оно реально и позитивно. Это отсутствие есть непосредственное и необходимое следствие того, что первобытные люди живут, мыслят, чувствуют, двигаются и действуют в таком мире, который во многих отношениях не совпадает с нашим» (т. ж., с. 42).

Отсутствие любознательности не есть отсутствие любознательности! Как не есть слабость ума и безразличие к тому, что мы называем причинами явлений. Нет у первобытного человека никакого отсутствия любознательности, безразличия к причинам или слабости ума, поскольку он – весьма умелый охотник и умеет тропить зверя, то есть по следам определять, что привело добычу к тому месту, где обнаружены следы, и куда эта добыча направится дальше. Это ведь и есть описание той части разума, которая занимается научным поиском. Только добыча и следы иные.

Первобытный человек не глупее современного, это этнологический факт. Как ребенок из неевропейской семьи не глупее детей европейцев, что уже век назад стало фактом психологическим. Они просто из иных миров, и там они исходят из той причинности, которая соответствует их видению действительности.

«Следовательно, многих вопросов, которые опыт ставит перед нами, для них не существует, поскольку ответ на них дан заранее или, скорее, потому, что их система представлений такова, что для них эти вопросы лишены интереса» (Т. Ж.).

Попробуйте принять, что это заявил представитель первобытного мышления про этнологов. И высказывание заигрывает.

Именно так мы и подходим к тому, что не укладывается в наши системы представлений, а потому все подобные вещи, которыми владели предки, для нас просто лишены интереса. Мы живем в другом мире и другими ценностями! Даже самые высокие достижения древних нам просто неинтересны!

Этим психологическим упражнением я хочу показать, что мы одинаковы с древними: мы видим то, что хотим рассматривать, и слепы к тому, что не входит в круг ценностей нашего мира. Поэтому мы не имеем права утверждать, что древние глупы или ошибаются, когда говорят про силу. Мы просто слепы и не понимаем их, поскольку изгнали те виды сил, что были доступны древним, из своего мира. Мы видим другую силу, загнав Древние Силы и Древних Богов в Тартар.

Загоняли мы их в эту темницу на удивление простым закливанием: мы убедили себя, что древние, которые верят только в то, что видят прямо и непосредственно, не видят, а представляют!

«Пред-связи, которые имеют не меньшую силу, чем на-

ша потребность связывать любое явление с его причинами, устанавливают для первобытного менталитета непосредственный, без каких-либо сомнений, переход от такого-то чувственного восприятия к такой-то неведомой силе.

Вернее сказать, это даже не переход. Этот термин подходит для наших дискурсивных операций, и он не выражает точно способа функционирования первобытного менталитета, который скорее похож на непосредственное, прямое восприятие или на интуицию. В тот самый момент, когда первобытный человек воспринимает то, что явлено его чувствам, он представляет себе мистическую силу, которая таким образом проявляется» (т. ж., с. 42–3).

Слабость древних оказывается в том, что они не совершают умозаключений, как мы, а непосредственно видят... Противоречивость подобных рассуждений настолько бросается в глаза, что ее приходится прятать под множеством умных и убедительных слов.

«Конечно, интуиция такого рода не делает невидимое видимым, а неосязаемое – осязаемым: она не в состоянии привести к чувственному восприятию того, что чувствами не воспринимается. Однако она дает полную веру в присутствие и действие невидимых и недоступных чувствам сил...» (т. ж., с. 43).

Как рассудок современного этнолога умозаключает подобные вещи, усмотреть с помощью чувственного восприятия невозможно, поскольку ничего, кроме веры в свое пре-

восходство, за этим нет. Ни один из этнологов, разве что, кроме Кастанеды, даже не попробовал увидеть то, что видят простые люди, когда говорят о Силах, потому что мог бы ведь и увидеть! А тогда разрушилось бы все здание его научной карьеры, а заодно с ним и весь современный образ мира.

Но месса стоит Парижа! Поэтому ученый избирает не видеть, но верить в то, во что можно только верить, лишь бы оставаться на троне.

Глава 5. Русские колдуны

В 1927 году на заседании Отделения гуманитарных наук АН СССР, академиком Е. Ф. Карским была представлена статья Н. А. Никитиной «К вопросу о русских колдунах». С тех пор она считается основным источником по русскому колдовству, поскольку автору посчастливилось в числе немногих этнографов общаться с живыми колдунами. Обычно колдуны от ученых закрываются и отказываются говорить хоть что-то внятное о своем искусстве.

Безусловно, и Никитина была сторонницей естественно-научного подхода, а значит, пыталась разоблачать ловких мошенников, изображающих из себя людей знания и силы. Но при этом она приводит описания того, как видели колдунов люди, и в этих описаниях можно почерпнуть немало о том, что такое сила.

Вот, к примеру, с чего начинается ее рассказ о колдунах:

«Мне показывали двух женицин, которых она (колдунья Мария Шерстюкова – АШ) испортила 4 года назад. В Новой Слободке были «кельи», как в Лукоянском уезде называют посиделки: собрались девушки, пряли под песни и гармошку. Марья зашла зачем-то к хозяйке избы; девушки над ней втихомолку подшутили, а старуха услышала. Уходя, она зачерпнула в ковши воды из кадушки, отпила и остатки выплеснула назад в кадку.

Девушки, которые пили после нее воду из этой кадки, оказались испорченными. На вид они здоровы, но в церкви во время пения „херувимской“ с ними делался припадок. Они бились, ругались, мяукали; у них появилась такая сила, что их еле сдерживали 4–5 мужчин. Припадок продолжался, пока их не выносили из храма. На дворе они постепенно затихали и лежали обессилевшие, бледные, в холодном поту» (Никитина, с. 365).

Если допустить, что колдунья действительно сделала это, то получается, что она смогла либо передать силу, либо, что более всего походит на знаменитую былинку об Илье Муромце, который тридцать лет сидел сиднем, вскрыла ее в них, дав им напиться из ковша. Если допустить... Но никто этого не допускает, считая, что никакой связи между действиями колдуньи и обретением сверхчеловеческой силы девушками нет.

Тем не менее, народ определенно считает, что колдуны обладают силой. Вернее было бы писать СИЛОЙ, поскольку все люди обладают силой. Но СИЛА колдуна – это особая сила, точнее, сверх-сила, которая добавляется к обычной, а потому может быть отнята, точнее, потеряна. Та же Никитина просила Шерстюкову научить ее заговорам:

«Сказала, что знает и от других болезней, но научить меня не может, так как тогда они потеряют силу до самой моей смерти» (т. ж., с. 367).

Иными словами, очевидно, что в некоторых случаях си-

лой может обладать сам колдун и может передать ее другому вместе с даром. А в некоторых считается, что силой обладают его заговоры и чары. И русский язык, безусловно, знает, что чары могут быть сильными или слабыми. Как и обереги. Но не как личности, а как хранилища или вместилища силы, потому что силу в них должен вложить человек.

Что касается таких людей, их могут звать как колдунами, так и людьми Силы. Причем, сила в таких людях бывает большая:

«Восточные славяне считают колдуном человека, который способен нарушать естественные законы природы...» (т. ж.).

При этом выглядят люди силы так, что знающие люди их распознают. Во-первых, *«люди, видевшие колдунов, говорят, что в них чувствуется особая, их отличающая сила»* (т. ж., с. 368). О том, что у них «всклокочены волосы, дикие глаза с вывороченными белками и длинная борода», я говорить не хочу. То, что многим людям выгодно, чтобы их считали колдунами, и потому они стараются внушить такое впечатление, творя странный облик, говорить тоже не имеет смысла. Но вот то, что им это удастся, имеет значение.

«С другой стороны среди них встречались люди, одаренные особой силой, сами в ней убежденные и способные внушить это убеждение окружающим» (т. ж., с. 369).

Вообще-то, совсем не просто внушить другим, что у тебя есть сила, если ты ее не имеешь. Поэтому лучший способ

внушать – это действительно иметь силу. Как ее заиметь – неясно, но так желанно, что это является общей мечтой всего человечества. Однако сила приходит не к тем, кто ее хочет, а к очень редким людям. Этот выбор силы оказывается настолько необъяснимым, что люди начинают выдумывать самые странные объяснения, чаще всего приписывая эти изменения в человеке общению с существами, силой обладающими исходно.

Существа эти, кем бы они ни были в действительности, сами зовутся Силой, только Силой нечистой. Вероятно, потому, что все, так или иначе, просили силу у бога, но не получили, и тогда приняли силу не от бога. Вполне естественно, такой странный способ или союз обростает мифами об особой цене за такой дар.

«Мне рассказывала в Михалкином Майдане сестра жены колдуна Сухова, умершего в 1900-х годах, что жена его очень тяготилась свиданиями своего мужа с духами, которые происходили в лесу в дни церковных праздников. Вообще на него иногда что-то находило, накатывала какая-то сила, и он старался скорее уйти из дому на несколько дней. По ночам он иногда стонал; говорил, что его черти душат» (т. ж., с. 370).

Выражение «накатывать» про силу я сам слышал во время этнографических сборов на Верхневолжье в восьмидесятые годы прошлого века. И само действие посылания силы так и называлось накатом. В быличках рассказывается, что силь-

ные люди таким воздействием могли останавливать птиц налету или мельничное колесо. Такой силы мне, правду сказать, видеть не доводилось. А вот то, как одним движением пальца человек заставлял кошку запрыгивать на колени или стаю ворон подыматься на крыло, а потом садиться на избранное дерево, видел.

«О способах получения колдуном силы приходится почти исключительно довольствоваться рассказами крестьян. Сами колдуны о таком интимном вопросе обычно не говорят, поэтому тут мы встретим особенно много фантастики.

По воззрениям восточных славян, сверхъестественную силу для своего колдовства колдун получает или наследственно, или преемственно, или по договору с нечистой силой...

Часто колдовской дар передается преемственно. Колдун передает его один раз в жизни, полностью или частично, обычно перед смертью. Передает он свою силу члену своей семьи, а в случае отказа всякому желающему. Пескижев, как я уже говорила, умирая, передал силу жене, а та перед смертью передала ее своему второму мужу.

В 1923 году сотрудник Музея антропологии И. И. Козьминский встретил в Лодейнопольском уезде пастуха-колдуна Петра Борисова. Тот уже стал стар и подумывал о передаче своей силы. Он хотел передать ее родному сыну, но сын-красноармеец на это не соглашался. Колдун предлагал

взять ее Козьминскому» (т. ж., с. 371–2).

Не рассматриваю в данном исследовании ничего, связанного с духами или «чертями». И не потому, что не верю и не сталкивался с подобными вещами, а исключительно по той причине, что меня интересует именно человеческая сила и способы ее извлечения из устройства собственного тонкого состава. Поэтому шаманские по своей сути поиски духов-помощников я обхожу вниманием, и поскольку видел людей, обладающих Силой, но никак не связывающих ее с духами, то сохраняю лишь описания собственно человеческой силы, даже если ее называют колдовской.

Сила есть просто сила. И это не более чем человеческий выбор, использовать ее для колдовства или иных целей.

«Каким образом передается колдовской дар, точных сведений нет. Обычно колдун „передает“ свою силу через прикосновение, например, взяв преемника за руку. Если нет желающего стать его преемником, колдуну приходится прибегать к хитростям: он схватывает за руку неосторожно приблизившегося к нему человека и словами „на тебе“ совершает акт передачи.

Можно также передать силу через какую-нибудь вещь. Лодейнопольский колдун говорил Козьминскому: „Пойдем ночью в лес, я их позову; если сумеешь справиться, будут твои“. Он же говорил, что если никто не захочет взять его силу, он передаст ее палке и бросит на дорогу; кто палку подымет, тому и перейдет его сила...

Таким образом, детям можно передать колдовскую силу, но они не могут с нею справиться. Передают силу и неодушевленному предмету. Колдун Ямбургского уезда перед смертью хотел передать свое колдовство миру (общине), но не сошелся в цене и спустил его с веника в воду» (т. ж., с. 372).

Этнографы описывают множество самых разных состояний, связанных с обладанием и использованием Силы, однако меня интересуют лишь те, которые связаны с раскрытием собственной природы человека.

В этом отношении из приведенных примеров очевидно, что Сила эта дополнительна к собственным силам человека, и что она может быть передана, причем, для этой передачи могут использоваться особые обряды. Однако обряды эти, судя по всему, нужны лишь для приведения искателя силы в особое, восприимчивое состояние, поскольку передать силу можно и вещи, а через нее совершенно случайному человеку.

Вопрос, однако, в том, справится ли такой человек с обретенной Силой? Но гораздо важнее, что в этом вопросе скрывается подсказка: чтобы справиться с Силой, нужно обладать подготовкой и знаниями.

Глава 6. Наша наука о колдунах

Сама по себе внутренняя сила человека практически не изучалась нашей наукой. Как я уже постарался показать в предыдущих главах, хоть что-то понять о силе можно лишь из рассказов о людях силы – знахарях и колдунах. Безусловно, все подобные рассказы обросли искажениями и домыслами, с помощью которых рассказчики, видимо, снижали психологическое напряжение, вызванное, с одной стороны, страхом перед силой, с другой, странностями судьбы, которая порой обрушивает на нас необъяснимые испытания.

Что ж, за неимением лучшего, будем исходить из того, что есть, и я постараюсь извлечь все подсказки, какие имеются в этнографической литературе, посвященной колдунам. Вероятно, Сила эта единой природы для всех народов Земли. Но каждый народ создавал ее описание на своем языке, и поэтому я вижу смысл сначала поднять все материалы на русском языке. Однако их не так уж много.

Писать о колдунах у нас начали еще в восемнадцатом веке. Первыми, вероятно, поминали их наши первые издатели сказок – Михаил Попов в «Описании древнего славянского языческого баснословия» и Михаил Чулков в «Абевега русских суеверий». Извлечь из них что-то полезное, кроме самых общих упоминаний колдовства и силы колдунов, невозможно. Как и из большинства работ девятнадцатого века, хо-

тя надо признать, что в девятнадцатом столетии о колдунах у нас писали много.

А вот в двадцатом, точнее, при советской власти, известны, похоже, лишь три работы: А. Астаховой «Заговорное искусство на реке Пинеге» (статья в «Искусство Севера»), уже разобранный мною статья Н. Никитиной и небольшая книга А. С. Сидорова, посвященная знахарству и колдовству у коми. Все три работы вышли в 1928 году.

Книга Алексея Семеновича Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми (Материалы по психологии колдовства)», в сущности, не вошла в научный обиход. Он попал под репрессии в 37-м году, и все его работы замалчивались в советское время. При этом он, будучи сам по национальности коми, писал на родном материале, а потому его записи обладают особой ценностью.

К сожалению, сила не была предметом его особого внимания и поминается в работе лишь от случая к случаю. Тем не менее, это важный материал для сравнения с русскими представлениями.

Время накладывало свои особенности на научное мировоззрение, что ощущается в исходных установках исследования, без которых, к сожалению, автора не понять:

«Если человеческая идеология есть в значительной степени функция общественной и, в окончательном счете, хозяйственной жизни, то первичный культ есть эта самая

хозяйственная жизнь, понимаемая в широком смысле этого слова, когда магическое и хозяйственное действие находятся в нерасчлененном состоянии в силу отсутствия понятия о магическом как таковом» (Сидоров, с. 20).

Далее Сидоров высказывает «гипотетические» соображения о том, что было в самые древние эпохи, предшествовавшие появлению понятий о духе и душе, что я опущу, поскольку, по сути, они являются лишь бездоказательными домыслами. Существенно лишь то, чему сам Сидоров был свидетелем.

«В этом отношении очень характерно, что душа, то есть двойник человека (ort), по воззрениям коми, это вполне материальное существо, которое представляет точное подобие своего патрона» (т. ж., с. 22).

То, что коми видели и душу, и духов, соответствует представлениям русских. Как и то, что для коми болезни могли быть как от бога, так и от людей. У коми существовало довольно большое разнообразие знахарских и колдовских специализаций, включая и просто знающих людей. При этом, как и у русских, предпочитается видеть Силу колдуна как заемную у неких духовных существ, а не личную.

«Обычно считается, что знахари действуют бесовской силой. Но эта мысль прилагается не ко всем знахарям. Таковы только tsykodtsis и kolasnitsa, а также некоторые „todys“ и („знающие“). Другие выдают себя исключительно за добрых и действующих божественной силой людей. Они, обыч-

но, выступают в качестве лекарей, тунов (гадателей) и т. п.

При этом все они по своему могуществу располагаются в известной иерархии. Такое различие в силе по более основным воззрениям вытекает уже не от источника их силы, а скорее от суммы колдовских знаний и колдовских средств, которыми обладает данное лицо» (т. ж., с. 26).

То, что сила колдунов зависит от их знаний, довольно часто упоминается в рассказах о колдунах, причем, в записях рассказов простых свидетелей колдовства. Лично я предполагаю, что это объяснение опять же психологическое, позволяющее сохранять покой рядом с человеком силы. Пока речь идет о том, что силу можно обрести, прочитав какую-то особую, черную книгу или попав в ученичество к опытному колдуну, – можно успокаивать себя тем, что другому просто повезло: подвернись тебе такая же книга, и ты был бы не слабей!

Жить рядом с человеком, который сам раскрыл свою силу, зная, что ты тоже мог это сделать, но не сделал, – невыносимо... Однако былички, в которых рассказывается, как колдун предлагал передать свою силу, если искатель сможет осилить чертей ночью в бане или лесу, говорят о том, что по воззрениям народа даже для обретения бесов нужна внутренняя сила.

Бесов и прочее использование духов я оставляю за рамками моего исследования и фокусируюсь на чисто психоло-

гической составляющей любых действий хоть колдунов или шаманов, хоть любых других жрецов. Более того, эта внутренняя или, как иногда говорят, личная или скрытая сила, есть черта просто любых сильных личностей или людей дееспособных. Ее наличия в нас отрицать нельзя, но ярче всего она видна у тех, кто эту Силу однажды осознал в себе и использует, так сказать, профессионально.

«Значение знахарей в быте коми поддерживается верой в их могущество. Могущество это основано на знании колдовских приемов, благодаря которым знахари могут достигать результатов больших, чем достигает их обыкновенный человек, не знающий этих приемов» (т. ж., с. 27).

Сидоров далее уделяет довольно много внимания искусству оборачивания, сильно развитому у коми-колдунов. Я сами эти рассказы опускаю и приведу только его заключение.

«Какой смысл имеет превращение в то или другое животное? В одних случаях этим стараются проникнуть в те места, куда проникнуть человеку невозможно, и при этом остаться незамеченным, в других же случаях для того, чтобы усилить свои физические силы свойствами того или другого животного.

Хотя один крестьянин из с. Усть-Уса объяснил мне, что колдуны, превратившиеся в медведя, становятся „вроде газа“ (пара), как начнешь стрелять – они исчезают, пока произносишь слово, – они тем временем могут совершить большой круг, но такое воззрение принадлежит уже к более

позднему времени» (т. ж., с. 29).

Хороший колдун может не только оборачиваться, но и превращать других людей. Особенно им нравится портить свадьбы, превращая поезжан в волков, и охотники, обдирая шкуры с добытых волков, иногда находят под ними красные кушаки, как на поезжанах. Вопрос о том, почему именно свадьба была постоянной целью колдунов русских и других народов России, в действительности еще ждет своего исследователя, но некая память о жреческих отношениях колдуна с плодородием и продолжением рода тут очевидна.

Но сами рассказы о превращениях, хоть и повторяются в представлениях разных народов, мне интересны, разве что как курьезы:

«Упомянутый выше Яков из Мыелдина однажды поспорил с изжемцем и за это будто бы был превращен последним в лебедя. Три дня он летал в таком виде. Принужден был вести образ жизни обычных лебедей: спускался на озеро для кормежки, „перелетал моря“, переносил смертельные опасности; какой-то охотник однажды выстрелил в него, но, к счастью, не попал» (т. ж.).

Гораздо важнее, что народ сам осознавал, что в действиях колдуна, даже если он обладает знаниями, должна присутствовать сила. Это очевидно на примере заговоров: сейчас множество заговоров издано собирателями. Это именно те «черные» или «потаенные» книги, которые, якобы должны были делать человека колдуном, то есть давать ему силу. Од-

нако, заговоры эти можно читать хоть в запой, не опасаясь никаких превращений...

«Превращения и другие колдовские результаты достигаются колдунами определенными магическими приемами и средствами. Одним из таких средств является сила заговора. Слово, по мнению коми, „пуще стрелы“. Слово, особенно, в устах знающего колдуна, неотразимо действует не только на человека, но и на внешний мир. Если колдун скажет соответствующее слово, то даже „дерево засохнет“» (т. ж.).

Тайное слово, как и потаенная книга, – это средство психологическое. Они, может быть, и возможны, но без силы, как без логоса, слова превращаются просто в звуки. Как много в действительности мог первобытный маг, неизвестно. Но то, что люди бывают в разных отношениях с Силой, мы все видим в жизни.

Глава 7. Сила заговора. Астахова

Советская власть властью делиться не любила. Поэтому она убирала не только тех, кто обладал силой, но и сами знания о ней. У того, как знания о силе уходили из нашего мира, есть своя история.

Последняя из вышедших в советское время работ, так или иначе рассматривающих скрытую или внутреннюю силу человека, была написана для сборника «Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера» А. М. Астаховой в 1928 г. Назвалась она «Заговорное искусство на реке Пинеге».

Астахова шла по следам знаменитого издателя архангельских былин Александра Дмитриевича Григорьева, собиравшего среди прочего в этих местах и заговоры в 1898–1901 годах. Тексты заговоров, собранных Астаховой, можно сказать, не отличаются от записей Григорьева, что позволяет считать, что данное культурное явление описано точно. Но Астахова, в отличие от Григорьева, дает еще и живой рассказ о самих знахарях, использующих заговоры, и это позволяет вычленить их понятия о силе.

Сама Астахова не осознает силу как нечто, заслуживающее внимания исследователя, поэтому ее упоминания разбросаны в тексте статьи как совершенно естественное бытовое словоупотребление, что делает подобные свидетельства более ценными с психологической точки зрения – это

прямой и неискаженный домыслами ученого слой народной культуры.

Прежде всего, надо отметить, что в народном образе мира явно присутствуют следы древнего противостояния Добра и Зла, очевидно, тянущиеся еще со времен индоевропейской общности. Мифологичность этой древней битвы, ярче всего видимой, к примеру, в мифах древних иранцев, подчеркивается именно тем, что Добро и Зло представлены в крестьянском уме именно как Силы – Злая и Божья.

«Живучесть заговора находится в тесной связи с теми пережитками старых демонологических представлений, о которых я говорила. Верования в леших, домовых, бесов, вгоняемых в людей, представления о болезнях, как о злой силе, которая нападает на человека, – заставляют прибегать к вековому средству борьбы с злыми силами, заговору и магическому обряду» (Астахова, с.34).

Очевидно, что для народа злые силы, что называется, персонифицированы и видятся некими существами. Это воинство враждебного всей жизни на Земле божества. И знахарь оказывается в народном восприятии не лекарем, а защитником своего народа, воином, держащим оборону на каком-то рубеже и изгоняющим из нашего мира прорвавшихся сквозь границу врагов.

При этом мы понимаем, что, называя врагов злыми силами, народ отчетливо осознавал и то, что сила эта – нечто внутреннее, и может проявляться как через злого духа или

через защитника-знахаря, так и через слово или заговор.

«Вера в силу заговора еще очень крепка у пинежан. Среди женщин почти не приходилось встречать скептического отношения к заговору. Наоборот, на мои провокационные замечания, что знахари часто тем помогают, что „гладят“, „кости расправляют“, обычно возражали, что именно „слова помогают“, „от слоф польза живё“.

За все время пребывания на Пинеге, нам пришлось выслушать большое количество рассказов о случаях помощи, полученной от применения заговора. Рассказы о неудаче, постигшей знахаря, были единичны, а неудачу приписывали не самому факту заговора, а тому, что данный заговор оказался дефектным, „не настоящим“.

Так, одна женщина средних лет из Марьиной Горы, глубоко верящая в „слова“, сообщив мне заговор на ос, перенятый ею у одного мужика, „Митрия“, прибавила, что сама заговор этот не применяла, и не знает, насколько он действителен, самого же Митрия на их глазах оса ужалила в бровь – „Да над ним и смеялись!“ Заговор на зубную боль, который она в газетке нашла, она попробовала на приятельнице своей Василисе, „да не было пользы, я и не говорю“» (т. ж.).

Крестьянское отношение к заговору не так уж глупо, это отнюдь не фанатичная вера. Все проверяется в жизни и сохраняется лишь то, что работает и приносит пользу. Массовое распространение заговорного искусства в крестьянской среде свидетельствовало о том, что заговор был полезен и

должен был изучаться наряду с медицинскими суггестией и гипнозом. Но его предпочли объявить суеверием и искоренить. Сделано это было в рамках политической борьбы за власть над умами и душами крестьянства и не имело никакого отношения ни к науке, ни к действительным возможностям подобных искусств.

Заговоры – это еще одна страница, вырванная из Книги о древних знаниях человечества. При этом могу свидетельствовать: заговоры работают, если попадают в руки к правильному человеку. Я, к примеру, очень хотел освоить заговор на остановку крови, но так и не смог. А мой приятель, простой и незатейливый боец, спокойно овладел им и у нас на глазах, порезавшись, останавливал кровотечение. Мне же удалось овладеть более сложным заговором – присушкой на любовь, и я несколько раз делал это с разными людьми при большом количестве зрителей. Влюблял, правда, в морковь, чтобы можно было съесть предмет своей страсти и освободиться от заговорного воздействия...

Заговорное искусство ярко связывает силу со знанием. Очевидно, что заговор можно перенять у знающего человека и выучить очень быстро, поскольку он, в первую очередь, передается в слове, а слова легко запомнить. Опыт, правда, показывает, что и в этом случае не все однозначно: заговоры сейчас обильно опубликованы, однако умеющих их использовать не стало больше. Очевидно, что ученичество предполагает и личное общение со знающим, то есть умеющим че-

ловеком, и некоторую внутреннюю готовность или предрасположенность.

«Заговорным словам и обрядам обучаются у родителей, родных, соседей, случайных проходящих и т. п., или для того, чтобы сделаться профессионалом и иметь заработок, или для того, чтобы иметь в запасе необходимые и часто требуемые в семье средства помощи...»

Ф.Н.В. из Покишеньги девочкой в 13 лет научается от отца „править“, „чтобы кусок хлеба был“. Вместе с искусством костоправства отец научает ее и заговорам. Она же рассказывает, как, когда она уже была замужем, проходящий мужик, остановившись у них на ночевку, научил ее заговору от „волоса“, этой болезнью страдал ее сын, мальчик, и ни доктор, ни бабки не могли его вылечить.

Одна из знахарок из деревни Шотова гора, заговаривающая зубы, узнала свой зубной заговор, тоже еще будучи „девкой“, от какой-то „проходящей сурской жонки“, к которой она, страдая тогда зубами, обратилась за помощью. Е.Ф. из Суры, вступив в дом своего мужа, проходит науку знахарства у своей свекровки и тогда же, еще с молодых лет, начинает „ходить по людям“. Сама Е. Ф. среди односельчан и в соседних деревнях имеет учениц» (т. ж., с. 35).

Обучение и обретение Знаний в данном случае оказывается передачей и обретением силы. У такой передачи могут быть некоторые ограничения, но действительные они или кажущиеся, определить невозможно.

«Таким же источником знания на целую округу является в настоящее время и старушка Н. Г. из Карповой горы: по ее же словам, многие ходят к ней учиться.

К самому моменту такого „учительства“ отношение совершенно простое. Здесь нет убеждения, что заговор теряет свою силу в руках того, кто сообщил его другому лицу, убеждения, с которым пришлось столкнуться в Заонежье, в экспедиционной работе прошлого года. Только раз на прямо поставленный мною об этом вопрос, было заявлено, что потеря силы может произойти лишь в том случае, если передача осуществляется от младшего к старшему. Передача от старшего к младшему, равно как и от молодого к молодому, заговора не портит» (т. ж.).

Очевидно, что обучение заговорам, осознаваемое как передача заговора от одного человека другому, ощущается похожим на передачу колдовского дара, при котором один полностью освобождается от избыточной силы, а второй, обретая ее, становится колдуном. Но в этом случае идет именно передача Силы, причем, заемной, а не личной. При передаче же заговора происходит передача Знания. И это очень важно отметить.

Передача Знания дает и силу, но Знание это, похоже, сильно отличается от простого заучивания нужных слов и включает в себя, самое малое, и освоение некоего особого состояния, в котором эти слова работают. Условно говоря, есть знание и Знание, и мы не знаем, чем они различаются.

Для того чтобы отметить этот парадокс, можно Знание звать веданием, а ответы искать в глубокой, ведической древности.

Глава 8. Знание-сила. Христофорова

После падения Советского Союза исчезли идеологические и цензурные ограничения на изучение «неправильных» тем, и русские фольклористы и этнографы снова вернули колдовство в сферу научных интересов. К сожалению, колдунов к этому времени почти не осталось. Поэтому собственный этнографический материал крайне слаб, и ученым приходится делать выводы на основе едва сохранившихся следов.

Количество упоминаний колдовства и колдунов резко возросло после 91-го года, но с интересующей меня точки зрения эти упоминания мало что добавляют к уже сложившейся картине. Итоги изучения данного предмета были подведены Ольгой Борисовной Христофоровой в монографии, написанной и на основе собственных сборов, ведшихся с 1998 по 2008 годы, – «Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России».

К сожалению Христофорова не занималась Силой как самостоятельным предметом изучения, рассматривая ее лишь как черту колдуна. Тем не менее, ее мысли заслуживают особого внимания, поскольку итоговое осмысление силы неожиданно начинает сходиться с ее изначальным понятием. Кратко его можно выразить словами Бэкона: знание – сила. Разница лишь в том, что Бэкон приписывал знанию, в част-

ности, научному – силу, а для современных российских этнографов, чье мнение выражает Христофорова, знание-сила стали неким единым явлением.

Подход Христофоровой можно считать социологическим, в противоположность, к примеру, йогическому. Ее гораздо больше занимает то, как колдун воспринимался крестьянским обществом, чем то, как он делает то, что делает. На мой взгляд, этот подход неверный, потому что колдуны уходят из нашего общества и уносят свои знания. Поэтому знания про то, как они воспринимались, становятся чистыми артефактами прошлого, а вот психологическая составляющая их деятельности могла бы многое раскрыть о природе и вполне современного человека.

Тем не менее, каждый желающий раскрыть в себе силу должен понимать, какое место среди людей он этим хочет занять, потому что его личность, безусловно, определяет, сколько сил вкладывать в обучение, исходя из общественной значимости состояния, которое человек надеется достичь. Иными словами, даже социализация, выражающаяся на языке Христофоровой в «статусе и репутации», имеет прямое отношение к управлению силой.

«Здесь мы имеем дело с двумя различными параметрами социально-коммуникативного пространства деревни – статусом и репутацией...»

Если статус определяет стандартное отношение к своему носителю, то в конечном итоге решающее значение бу-

дет иметь именно репутация человека (перефразируя известную пословицу, можно сказать, что по статусу встречаются, по репутации провозжают)...» (Христофорова, с. 89).

К сожалению, русские этнографы, фольклористы и даже языковеды не умеют говорить о русском по-русски, поэтому их приходится переводить, чтобы сделать понятными. В данном случае некоторое понимание можно извлечь из отрывка из следующей главы, где Христофорова описывает «статусы» как устройство крестьянского мира, хотя, скорее, советского села:

«Приписывание колдовского знания/силы тому или иному человеку иногда совпадает с формальной властной иерархией (председатель колхоза может оборачиваться, глава сельской администрации колдует против людей, управляющий глазит теленка, бригадир портит за непослушание, мастер сажает пошибку за брак в работе и т. п.), но не менее часто являет собой альтернативу этой иерархии, когда жертвами порчи становятся представители власти (бригадир, учительница, председатель сельсовета и др.).

В этом втором случае колдунами могут считать либо людей видных, хотя и не занимающих властных позиций (так сказать, неформальных лидеров...), либо, наоборот, тех, кто не обладает в сельском сообществе никаким авторитетом» (т. ж., с. 116–7).

Очевидно, именно так автор поясняет, что имеется в виду под статусом. А имеется в виду место, занимаемое в об-

щественном устройстве, где сутью отношения оказывается именно «видность» или «видимость» человека. Это удивительное понятие заслуживает особого изучения, поскольку не имеет никакого отношения к телам, которые видны при любых условиях, а относится к личности и, что особенно важно, к наличию внутренней силы.

Иными словами, видным человека делает как раз сила, и она же оказывается предметом воздействия со стороны общества, которое все замечает и накладывает на такой «статус» узду из «репутации», то есть некой общественной оценки человека по его нравственным качествам, поскольку все колдуны в любом традиционном обществе однозначно делятся на добрых и злых, на лекарей и целителей и на портунов, вредящих другим людям.

Репутация эта, как ни странно, точно так же зависит от силы колдуна, хотя исходно ученые предпочитали считать, что она связана с некими нравственными устоями, навязанными народу христианизацией. Однако сейчас этот расхожий способ оценки русского человека, похоже, стал устаревать:

«Взаимозависимость статусов и репутаций в сельской социальной среде иногда воспринимается исследователями как искажение давно закреплённой в научной литературе традиционной русской языковой картины мира, согласно которой, например, „богатство“ оценивается негативно, а „бедность“ – позитивно» (т. ж., с. 90).

Насмешливое отношение к богатству, похоже, определя-

ло образ жизни лишь тех русских людей, которые вольно или невольно исповедуют «путь дурака», то есть либо живут скорморохами, либо просто спиваются и скатываются на «дно». Действительно отношение к богатству оказывается гораздо более древним, чем христианство, и возникает в ту эпоху, когда люди действительно думали о Силе и охотились за ней. При этом очень важно, что Христофорова ставит силу в прямую связь со знанием – знание/сила. В этом заключается важнейшая подсказка.

Колдуны, а в древности, очевидно, любые «видные» люди, занимающие в обществе «авторитетное» положение, различаются не по власти или богатству, а исключительно по силе, поскольку и власть, и богатство зависят лишь от ее наличия.

«Дело в том, что вера в колдовство предполагает (содержательно, если не всегда терминологически) два типа вредоносных агентов, назовем их условно колдуны сильные и слабые. Речь идет не столько о разнице в знании, сколько о различиях в экономическом и социальном положении предполагаемых колдунов – собственно, именно эти различия часто и закодированы в мифологических представлениях о колдовском знании/силе» (т. ж., с. 117).

Я бы внес в это высказывание уточнение: речь идет не о знании лишь в смысле тех оценок, того отношения, которое испытывают к такому человеку другие люди. Иными словами, речь, безусловно, идет о знании/силе, но люди их не видят, они видят то внешнее, что доступно их восприятию и

пониманию. Если человек действительно обладает знанием и силой, он должен быть успешен в жизни, это главное.

«Богатого и удачливого человека, физически здорового и красивого, хорошего хозяина и талантливого мастера окружающие могут считать крепким колдуном и говорить, что он столь благополучен именно благодаря своим сверхъестественным способностям. Бедный, одинокий и уродливый человек также легко может прослыть колдуном – но его нередко будут считать слабым, недознайкой» (т. ж.).

К слову сказать, плохое знание или недостаток силы делают колдовское дело опасным для самого колдуна. В этом, кстати, скрывается опасность и для любого начинающего осваивать силу: начальное овладение любыми «особыми способностями» выглядит как нечто выдающееся, а в действительности является очень слабым состоянием. Лучший среди худших гораздо сильнее худшего среди лучших, и живет ему точно приятней, чем человеку, к примеру, раскрывшему в себе накат, то есть способность наносить удар на расстоянии, но не овладевшему этим до мастерства.

«Несчастья в семьях тех, кто имеет устойчивую репутацию колдунов, объясняют не только возвращением зла. Существует представление, что слабый колдун (еще не выучившийся полностью, обессилевший от старости или ослабленный в результате специальных ритуалов...) может портить только членов своей семьи и свой же домашний скот» (т. ж., с. 77).

И тут мы прямо подходим к главному, к тому, как добывается сила с помощью обучения. Знание/сила должна быть итогом некоего познания. И это однозначно осознается народом, скажем, в объяснениях причин несчастий начинающих знатоков силы: *«не доучился, не дочитал черную книгу, не забрал все слова, не прошел всех положенных обрядов или просто не смог справиться с бесами (в основном из-за возраста – слишком юного или, наоборот, пожилого)»* (т. ж.).

Народ, очевидно, постоянно пытался осмыслить и саму силу, и способы ее получения. Чаще всего это осмысление было фантастическим, как бы внешним:

«Характерно, как по-разному описываются способ стать/прослыть колдуном в мифологических рассказах, с одной стороны, и с другой – в слухах и толках. В первом случае речь идет о чтении черной книги, учебе у колдуна, вольном или невольном получении от него слов (силы, бесов), о посвячительных обрядах в полночной бане, когда иницилируемый должен быть проглоченным неким существом (жабой, щукой, собакой) или, наоборот, проглотить некую субстанцию, символизирующую колдовское знание.

Во втором случае мы имеем дело с поиском причин болезней и несчастных происшествий, с толкованиями особенностей внешности и характера того или иного человека, фактически – с процессом построения его репутации. Традиционные рассказы о том, как имярек стал колдуном, присоединяются к кругу текстов о нем позже, когда реноме кол-

дуна уже сложилось» (т. ж., с. 89).

Именно так сочиняются объяснения того, почему человек обладает успехом в жизни, то есть является осмысленно выдающимся – выдающимся за нормы – человеком. При этом для осмысления этой способности выдаваться равнозначны как богатство и власть, так и вольность в отношении нравственных требований общества. К примеру, наличием колдовской силы может быть объяснен успех мужчины у женщин:

«Колдуны для сельского мира – нарушители социальных и религиозных норм, и, напротив, нарушители этих норм легко приобретают репутацию колдунов. Неслучайно колдовству семантически близки другие преступления против общественной морали: воровство, сексуальная распущенность и т. п...»

В мотивах быличек „У колдуна много подруг“ и „Колдунья привораживает мужчин“ мы можем, с одной стороны, усмотреть дублирование и усиление признаков „колдун как угроза обществу“ и „колдун – грешник“, с другой – результат примерно таких рассуждений: если эти люди не боятся нарушать моральные нормы, не боятся греха и общественного осуждения – значит, они имеют для этого силу...» (т. ж., с. 121).

Когда сейчас по России проходят всяческие антисектантские процессы и травля экстрасенсов и колдунов, их суть сводится именно к тому, чтобы приписать любым сильным

людям склонность к нарушению нравственных устоев общества и сексуальной распущенности.

Сексуальная распущенность очень занимает борцов со свободой совести, очевидно, являясь предметом особой заботы. И не только потому, что человек, подвергающий себя сексуальной аскезе, постоянно думает о противоположном поле, но и потому, что любая аскеза налагается ради обретения силы. А сила в том, что человек любвеобилен, очевидна, поскольку ведет к продолжению жизни.

Достаточно вспомнить знаменитую «Золотую ветвь» Фрэзера и описанных им царей-жрецов, которые могли править лишь до тех пор, пока их личная производительность и любвеобильность обеспечивала производительность природы и выживание племени.

«Тот же смысл может быть выражен и в соматическом коде, когда сильные колдуны ассоциируются с избытком жизненной силы (для их описаний характерны такие признаки, как высокий рост, дородность, могучий голос, густые волосы, крепкие зубы, плодовитость, энергичность, ум), слабые – с недостатком (хромота, кривизна и другие физические недостатки, бедность, психические отклонения)» (т. ж., с. 122).

Колдун – слово, быть может, и старое, но сохранившееся лишь как заменитель тех имен, что использовались в древности. И мы с очевидностью можем говорить, что в этом имени и отношении к нему просматривается деградация некогда

сакрального понятия о жречестве и культах плодородия. Основное, что должны были давать эти культы, – гобино, или избыток сытости. Именно с этим боролось новое жречество, приписывая сытость и довольство дьявольской помощи и насаждая воздержание, как приобщенность к новой вере.

«В демонизации „избытка“ также нет ничего необычного, чему можно найти много примеров в истории мировой культуры. В русской деревне „избыток“ интерпретируется как следствие колдовской практики по нескольким причинам.

Во-первых, из-за стремления объяснить неравенство там, где в идеале должно быть равенство (что свойственно земледельческим сообществам...), во-вторых, из-за связанных с этим стремлением негативных чувств (зависти, обиды, ненависти), в-третьих, из-за христианского мировоззрения, среди черт которого – отрицательное отношение к богатству и власти, идеализация смирения и блаженной бедности.

Характерно, что один из способов противостояния колдуну связан с ликвидацией избытка – нанести материальный урон его хозяйству, выбить зубы, остричь, пустить кровь (из всех частей/субстанций тела именно зубы, волосы и кровь воспринимаются как средоточие жизненной силы)» (т. ж.).

Насчет волос, конечно, можно и поспорить, поскольку лысина и даже искусственная тонзура во многих культурах счи-

талась необходимой как раз для связи с силой, однако в целом это очень верно и сохраняется как способы борьбы против появления в русском обществе сильных людей и в наши дни.

Глава 9. Силы и сила. Арнаутова

Этнографически зафиксированное отношение современных людей к колдовству в действительности свидетельствует лишь о том, что осталось в самом поверхностном слое памяти о некогда величественном здании человеческого Знания о природе и человеке. Однако эти свидетельства крайне важны для того, чтобы понимать свидетельства средневековые, сохранившиеся как в русских, так и в европейских источниках. Начну с последних.

О средневековой магии писали очень много, так много, что это нельзя объять в одном небольшом исследовании. Поэтому я ограничусь одной поздней работой, в которой автору удалось обобщить исследования предшественников. Это книга историка Юлии Евгеньевны Арнаутовой «Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века».

Этнография показывает, что люди, сталкивающиеся с колдунами, склонны приписывать их возможности некой Силе – нечистой или святой. Иногда это звучит как «силы» – «силы небесные», что подталкивает к видению Силы как обладающих силой существ. Именно так средневековый человек видел и болезни.

«Болезнь противоречит нормальному, здоровому состоянию, в ней есть нечто такое, что самому человеку чуждо, враждебно, поэтому мифологическое мышление воспри-

нимают ее как независимую силу, обладающую собственной активностью. Откуда приходит эта сила, какое место определил ей человек в своих представлениях о строении мира?» (Арнаутова, с. 35).

Для ответа на этот вопрос приходится взглядеться в устройство мышления средневекового человека, который видел мир, как в древности, когда он состоял из нескольких частей – Нижней, Средней и Верхней. Мир людей был закрыт для существ из других миров и в силу этого устроен определенным образом, что давало людям спокойствие. Внешний мир, особенно Нижний, был миром хаоса, откуда в наш мир могли проникать враждебные человеку существа.

«... „чужой“ – внешний, неосвоенный мир, в котором сосредоточены силы, в обычных условиях неподвластные человеку – боги, умершие предки, существа низшей мифологии, природные силы и т. п.» (т. ж., с. 35).

Именно эти существа и получают иное имя – силы, что необходимо принять и осознать как прямой перевод большей части использования понятия «сила» в средневековых источниках. Однако именно они меня не интересуют. Мне важна та Сила, которой может овладеть устремленный человек. Ее можно назвать жизненной. Эта сила, безусловно, существует и признавалась и средневековым человеком.

Арнаутова использует для описания этой силы почти буквально те же выражения, что приводила Христофорова для описания русского колдуна:

«Мифологическое мышление, не разделяющее до конца „материальное“ и „спиритуальное“, отождествляет нравственные достоинства, благородство человека, словом соответствие этическим образцам с его внешней красотой, физической силой и здоровьем. Это единство и взаимообусловленность сакрального и профанного, духовного и плотского в древнегерманском эпосе выражалось в понятии heil (heill) – всеобъемлющем определении человеческой сущности» (т. ж., с. 37).

От древнего heil происходит, надо полагать, современное немецкое heilige – святое, сакральное. Однако в древности это слово хоть и обозначало некую глубинную чистоту, но основное содержание его было несколько иным.

«Понятие heil в его первоначальном значении трудно определимо... Семантическое поле heil включает в себя такие понятия как благополучие, чистота, здоровье (телесное и душевное) и отсутствие ран, плодовитость, сила жизни, сила счастья и потенциальная удача» (т. ж., с. 37–8).

Более всего это напоминает хварн или фарн древних иранцев.

Именно это понятие «жизненной силы», использованное Арнаутовой, почему-то вызвало резкую, но невнятную критику академика Топоркова, заявившего, что не все утверждения Арнаутовой вызывают доверие:

«Например, различные суеверия Ю. Е. Арнаутова объясняет существовавшим будто бы представлением о некоей

«жизненной силе», заключенной в теле человека. В духе этой концепции, весьма популярной в первой трети XX века, использование в колдовстве одежды и веревки повешенного, объясняется тем, что в его теле якобы осталась нераstraченная жизненная сила, которая перешла в эти предметы, между тем магическими функциями традиционно наделялись именно те предметы, которые находились в контакте с умершим и как бы вбирали в себя силу смерти...» (Топорков).

Даже если по некоторым воззрениям и существует некая «сила смерти», это никак не отменяет понятия жизненной силы, которую мы можем наблюдать не по каким-то текстам и культурным кодам, а со всей очевидностью прямо в себе или в окружающих. Вероятно, в русском языке она имела и особое имя – спорость, что этимологически отсылает нас к понятию «пора» в значении сила: войти в пору, войти в силу, опора – сила, не дающая падать.

Арнаутова в качестве примера приводит выдержку из исландской «Саги о Греттире», которого удалось околдовать, когда стало очевидно, что его *heil* утрачен.

*«...существовало представление, что если *heil* человека разрушено, если ему „нет удачи“, это значит, что судьба отворачивается от него, и он легко доступен для вредоносных сил из мира чужого. Как правило, такой человек погибает – от ран ли, от болезни, от колдовства» (Арнаутова, с.39).*

Иными словами, если у человека нет жизненной силы, он становится доступен для воздействия сил вредоносных. И это звучит чрезвычайно естественно даже для нас. Гораздо труднее принять, что средневековые люди до принятия христианства видели человека иначе, чем это нам привычно. Особенно это заметно по понятию души, от которой и зависела та самая жизненная сила, способная противостоять колдовству или быть его действительным источником.

Средневековый человек видел душу человека не так, как приучило нас христианство. Проще говоря, древность знала две, а то и три души, как это описывает Аристотель. Душа древнего человека – отнюдь не вместилище духа, она, скорее, вместилище или источник силы. И сила эта рассматривается как волшебная.

«Мифологическое мышление связывает представление о душе с другими определенными понятиями, составляя с ними сложные ассоциативные ряды: душа – жизнь – судьба – удача – счастье или душа – источник жизни – жизненная сила – магическая сила» (т. ж., с. 40).

Эта вторая душа, которая в индийской традиции, вероятно, соответствует Джива-атме, что по-русски прозвучало бы как Жива, Живая душа, и есть носительница жизненной силы. Но при этом эта самая жизненная сила оказывается и таинственной силой, за которой охотилось все первобытное человечество:

«В древнескандинавских эпических памятниках использу-

емые для обозначения души термины ... тесно связаны с понятиями судьбы, удачи, везения, счастья, имманентной человеку таинственной силы – силы жизни, силы счастья и удачи, способной быть перенесенной на других» (т. ж., с. 41).

Именно из качества жизненной силы быть переносимой на других и рождается первобытная магия, оно же осмысливается во всех способах использования и управления Силой.

Глава 10. Вещество силы. Онианс

Человек не является хозяином или творцом силы, он лишь пользуется ею. Но в теле должен быть некий Источник силы, своего рода орган, через который сила вливается в тело, чтобы быть использованной. Где только древние не помещали этот Вход: в голове, в почках, в коленях, в детородных органах. Соответственно, сила могла отождествляться с семенем, с почечным жиром, даже с потом.

Последнее не так уж бессмысленно, если вспомнить русское выражение «до седьмого пота». Означает оно – непрекращающееся усилие, способное преодолевать накатывающие на нас волны усталости, для преодоления которых нужно открывать в себе вторые и третьи дыхания. Эти «дыхания», похоже, соответствуют потам, которые нужно отдать, чтобы прорваться к состоянию за потерей силы. Предполагаю, что каждый такой прорыв дает новый уровень в использовании силы и вскрывает ее Источник, расширяя его.

Ричард Онианс в знаменитом своем исследовании «На коленях богов» на историческом и этнографическом материале, преимущественно греческом, показал, что пот в древности прямо связывался с силой.

«Пот, естественно, рассматривается как вещество силы и энергии, поскольку он выделяется при затратах силы, и наоборот, если человек потеет в сильную жару, он ощу-

щает упадок сил» (Онианс, с.196).

Утверждение это выглядит очевидным. По крайней мере, для тела. Каким-то образом усилие, причем, не обязательно физическое, выбивает из тела пот. Могу по себе сказать, что мне достаточно «хорошо поработать» за компьютером, то есть написать нечто цельное и завершенное на едином духе, чтобы покрыться потом. Но что именно является здесь связующим звеном между усилием и потовыделением?

Древние считали жидкостью силы околосуставную жидкость локтей и коленей – «выпотки локтя», «суставное масло».

«Наши предки тоже считали, что пот, выделяемая кожей бледная жидкость, и суставная жидкость представляют собой одно и то же вещество силы. В ранней греческой физиологии (в отличие от англосаксонской) основное внимание уделялось коленям, и содержащаяся в них жидкость ассоциировалась со спинным мозгом и семенем» (т. ж.).

В подтверждение этого Онианс приводит также ссылку на ирландские представления:

«Ирландское smíor (костный мозг) означает также „силу“, а smíus означает и „костный мозг“, и „пот“, в то время как выражение „до костного пота“ означает „до изнеможения“» (т. ж., с. 203).

Веществом силы считались также семя и жир. Римляне называли жидкость, в которую превращается жир, *sucus*, то есть сок. «Этот *sucus* идентифицируется с потом и счита-

ется веществом силы» (т. ж., с. 196).

Русский язык также относится к жиру, как к священному качеству жизни. Князя Игоря кают в «Слове о полку Игореве» за то, что он *«утопил жир на дне Каялы-реки»*, что значит, утратил то, что дало бы хорошую жизнь. А князь Владимир в былине из собрания Рыбникова (Песни, II, 496) попрекает Соловья Будимировича тем, что он приехал не послом пословать и не торг торговать, а на жиру жить.

Древние греки каким-то образом видели связь этого сока жизни со спинномозговой жидкостью и костным мозгом. Через это сила оказывалась связана с головой, с которой была связана и псюхе – душа, отправляющаяся в Аид. Души мертвых именовались бессильными головами: *«имеется в виду не столько бессилие, сколько утрата тенос, то есть яростной физической энергии, которая при жизни свойственна скорее груди и членам, нежели голове»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.